

УДК 811.161.1+801.733+82-1

«ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ»: ПОИСК БИБЛЕЙСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

© **Большаков Александр Дмитриевич (2019)**, orcid.org/0000-0001-9451-6830, SPIN-code: 6398-4572, кандидат филологических наук, инженер-лаборант кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), barsikapfff-2@mail.ru

Автор развивает идею евхаристического прочтения пушкинского «Пророка». В статье приводятся новые библейские и гимнографические контексты, основываясь на которых автор предлагает вариант интерпретации афористической концовки стихотворения. Традиционно текст стихотворения возводится к экстатическим видениям пророков Исаии (Ис. 6, 50:4–6) и Иезекииля (Иез. 1, 36:24–26), приводятся также отдельные параллели из пророчеств Иеремии (Иер. 1:9, 5:14) и Даниила (Дан. 10) и др. Некоторые исследователи видят прецеденты в Коране. Только в конце XX века ученые и комментаторы начали обращать внимание на связь пушкинского произведения с текстами Нового Завета и христианской гимнографии. Продолжая новозаветную трактовку, автор уделяет особое внимание текстуальным связям стихотворения с евхаристической гимнографией. Привлечение широкого круга новых параллелей позволяет не только утверждать особый характер эволюции Пророка, но и обстоятельно прокомментировать важнейшую из метаморфоз – замену сердца, которая, по мысли исследователя, является ключом к пониманию последней фразы текста.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Пророк», крылатые слова, крылатография и афористика, прецедентный текст, Библия и библеизмы, герменевтика и экзегетика.

Часто фразеологизмы, крылатые слова, афоризмы, покидая породивший их контекст, изменяют свой смысл (десемантизируются), в т.ч. и на совершенно противоположный (т.е. наблюдается явление энантиосемии). Например, словарь Ашукиных для библеизма *значное место* приводит 2 значения: «1. Устар. Место, где можно благополучно и обеспеченно жить без труда, забот, хлопот и т.д. <...> 2. Ирон. Место, где безудержно развлекаются, кутят, играют в азартные игры, предаются разврату» [Ашукин, 1955, с. 210] (примечательна помета «устар.» для 1 значения). Изначальное выражение – «на месте значне, тамо всели мя, на воде покойне воспита

мя»¹ (Пс. 22:2) – было усвоено гимнографией в виде молитвенного прошения об упокоении: «Сам, Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание» [Требник, 1995, л. 90] (за которым, кстати, следует прошение о прощении грехов). В современной же речевой практике оно однозначно именует место, где совершаются едва ли не тягчайшие грехи и обретаются соответствующие персоны.

В.И. Ленин, как ему кажется, повторяет за К. Марксом фразу *религия – опиум народа*: «Религия есть один из видов духовного гнета <...> Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи» [Ленин, 1968, с. 143], однако в марксовском контексте какая бы то ни было отрицательная коннотация отсутствует: «Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [Маркс, 1844, с. 220].

Пушкинское *любви все возрасты покорны* обычно трактуется в пользу преклонных лет [Ашукин, 1955, с. 304; Шулежкова, 2011, с. 371], несмотря на следующие непосредственно за ним два *но*, именно-таки противопоставляющие возрасты младшие и старшие.

Пушкинское же *народ безмолвствует* также понимается буквально: безропотность, покорность властям [Мокиенко, 2006, с. 189; Шулежкова, 2011, с. 429; Энциклопедический словарь 2005, с. 478], хотя предшествующий контекст однозначно свидетельствует об обратном.

Современная речевая практика развивается таким образом, что под угрозой деформации семантики оказывается еще одно пушкинское изречение – последняя строка знаменитого «Пророка». Традиционная крылатография присваивает ей следующие значения: призыв проповедовать, поучать [Ашукин, 1955, с. 123] пламенно, страстно [Русские крылатые выражения, 2009, с. 75; Фомина, 2010, с. 180], писать/говорить ярко [Мокиенко, 2006, с. 64; Шулежкова, 2011, с. 158]; указание на высокое предназначение поэта и поэзии [Не мудрствуя лукаво, 2006, с. 70; Энциклопедический словарь, 2005, с. 180]. Из уже существовавшей иронической, шутливой коннотации [*ib.*] развилось новое значение у глагола *жечь*: ‘остроумно

¹ Цитаты из Священного Писания на церковнославянском языке приводятся по [Библия, 1991] (в упрощенной гражданской орфографии).

шутить; совершать нечто из ряда вон (качественно или же количественно) выходящее' [Захарова, 2014, с. 58]. Складывается ситуация, чреватая внесением сленгового значения компонента *жги* в семантику всей фразы, т.е. обратного влияния, подобно случаям заимствования когнатов (ср., например, историю вост.-сл. *якорь* (блр. *якар*, укр. *якір*): в прасл. существовал утраченный для обозначения соответствующего судового приспособления корень **-ěnk-* (ср.: **jěčmŭ*), на место которого пришло к нему же восходящее др.-исл. *akkari* (< гр. ἄκυρα), где закономерно упростилась гемината и развился *j-protheticum* – **jākōr* [Черных, 2001, ч. II, с. 469]).

Очевидно, что противостоять этому можно, прежде всего, воспитанием должного уровня речевой культуры, за что не в последнюю очередь ответственна средняя школа. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой совершенно иного свойства. Несмотря на то, что существует обширнейшая библиография по «Пророку», в т.ч. и по его интертекстуальным связям, комментаторы, как правило, обходят молчанием его афористическую концовку. Неизбежно возникает вопрос: может ли быть самодостаточной фраза, существующая в тексте, где каждая строка имеет библейский прототип (далее будем апеллировать именно к Библии, поскольку ислам так или иначе воспринял в качестве Священного Писания книги обоих Заветов)?

Традиционно [Незеленов, 1882] «Пророк» возводится к видению прор. Исайи (Ис. 6), хотя можно наблюдать корреляцию и с другими пророческими текстами (Ис. 50:4–6; Иер. 1:9, 5:14; Иез. 36:24–26, Дан. 10:16 и др.). Кроме того, ряд исследователей [Архангельский, 1994; Котельников, 1995; Мальчукова, 1998; Чижов, 1983] обращал внимание на корреляцию конкретных пушкинских образов с новозаветными текстами и творениями раннесредневековой христианской гимнографии. Так, например, мотив *прикосновений* и следующих за ними преображений связывают с многочисленными исцелениями Христа (Мф. 8:3,15, 9:29–30, 20:34; Мк. 7:33–35; Лк. 14:4, 22:51), дополнительно указывая на аналогию с крестным знаменем (хотя, на наш взгляд, логичнее видеть в этом благословение); *мудрую змею*² – с положительным контекстом Мф. 10:16 (напомним, что в Быт. 3:1 употребляется אָרִי (arum) – ‘хитрый’); *орлицу* – с ап. Иоанном (на основе традиционной трактовки Тетраморфа из видений Иезекииля (Иез. 1:10, 10:14) и Иоанна (Откр. 4:6–8) [Православная эн-

² Пушкинские цитаты приводятся по [Пушкин, 1995].

циклопедия, 2007]); наконец, саму *духовную жажду* — с 4 макаризмом (Мф. 5:6), хотя и помимо него можно отыскать немало параллелей (ср., например, только в Псалтири: Пс. 41:2–3, 62:2, 83:3, 118:20, 40, 131, 174).

Крайне любопытной представляется идентификация угля А.Г. Чижевым [Чижев, 1983]: во-первых, автором установлен непосредственный текстуальный источник пушкинского образа — Иез. 1:13 (см. замечания С.В. Березкиной о трехчленном плеоназме [Березкина, 1999]); во-вторых, разрешен конфликт пушкинского образа с Ис. 6:6–7 (где углем от жертвенника Серафим касается уст); тем, что, в-третьих, предложено сопоставлять *замену сердца* с евхаристическими стихами Симеона Метафраста: *«огнь бо есть недостойныя попяляяй»* [Псалтирь следованная, 1993, ч. I, с. 462]. Разрабатывая предложенную исследователем идею, Т.Г. Мальчукова делает весьма интересную (и столь же честную) оговорку: *«оставляя за своими предшественниками приоритет первоначальных догадок, решимся сказать, что они остановились на пороге толкования текста»* [Мальчукова, 1998, с. 160], однако никаких корреляций для заключительного четверостишия она не приводит, хотя в самом общем виде предлагает трактовку последней строки, которую, по ее мнению, *«следует понимать не только в ветхозаветном плане как обличение пороков, но и в новозаветном плане как обновление и очищение людских душ»* [ib., с. 175]. К слову сказать, схожие мысли высказывали и В.В. Вересаев [Вересаев, 1929], и критиковавший его В.С. Непомнящий [Непомнящий, 2001].

Итак, что же может значить завершающая текст «Пророка» строка при таких вводных и все ли сопряженные контексты были выявлены? Прежде всего заметим, что предложивший, так сказать, «евхаристическое» прочтение А.Г. Чижев не рассматривает редакционную редакцию «Пророка»: его — надо полагать, не без влияния Иезекииля и Иеремии — больше заинтересовал вариант *«Восстань, восстань, пророк России...»*. Вариант Т.Г. Мальчуковой представляется сомнительным, поскольку в евхаристическом преображении Пророк может выступать объектом, но никак не субъектом, которым является Бог. Кроме того, имеется еще одна странность: при комментировании отдельных образов оказывается незамеченной трансформация (если не вовсе невостребованность) одного из них, а именно языка. Серафим, как известно, *жало мудрья змеи вложил*

десницею кровавой; но что происходит с этим жалом? В заключительном четверостишии представлены корреляты всех метаморфоз: *очи ↔ виждь, уши ↔ внимли*, но для языка вместо ожидаемого *жалъ появляется *жги*. Иными словами, манифестируется взаимосвязь языка и сердца (*узь ↔ жги*).

Однако вернемся к евхаристическому прочтению. Если исходить из тезиса, что последняя метаморфоза – аллегория причастия, то поиному трактуется и прежнее состояние Пророка (*духовной жаждою томим*). Выше приводился контекст макаризма, но в евхаристической гимнографии обретается контекст более яркий: «*И насытитися еже в Тебе наслаждения сподоби*» – поется в последнем причастном тропаре [Псалтирь следованная, 1993, ч. I, с. 462], а в 3 благодарственной молитве (за авторством, кстати сказать, того же Симеона Метафраста, которому принадлежат и указанные А.Г. Чижевским стихи) читаем: «*Давый пищу мне плоть Твою волю, огонь сый и опаляй недостойныя, да не опалиши мене, Содетелю мой; паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце*» [ib., с. 464]. Интересно, что и сам канон, являющийся смысловым центром утрени и повечерий и всякого восходящего к ним последования (молебна, панихиды, Соборования и в т.ч. евхаристического правила), имеет припевом стих 50 псалма: «*Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*» (Пс. 50:12; и ср. в этой связи Пс. 25:2: «*Разжжи утробы моя и сердце мое*»). Наконец, в 5 песни того же канона мы встречаем собственно *узь*, в отличие от *огня* или *пламени*: «*Узь Тела Твоего да будет мне помраченному в просвещение*» [ib., с. 439] (и то же – во 2 молитве Златоуста).

Итак, очевидна сакраментологичность происходящих с Пророком метаморфоз, однако это еще не объясняет диффузии образов в воззвании к нему. Тем не менее выявленная связь оказывается не случайной, если принять во внимание еще один новозаветный контекст: «*От избытка бо сердца глаголют уста*» (Лк. 6:45, Мф. 12:34–35). Иными словами, исходящие из уст Пророка глаголы должны исходить напрямую от сердца, что подтверждается контекстуальным окружением: «*Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое*»³³. На поверхностном уровне за этим стоит призыв к

³³ Цитаты из Священного Писания на русском языке приводятся по [Библия, 1991].

искренности и чистоте помыслов («Говорит ли кто, говори как слово Божие», 1Пет. 4:11), т.е. к не-лукавлению, к не-«для-красного-словца» («Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?», Иак. 3:11).

Однако и этот контекст можно расширить. Известно, что в таинстве Евхаристии человек причащается Богу: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6:56). Но христианство в свое время постулировало о Боге совершенно новый тезис: «Бог есть любовь» (1Ин. 4:16). Соответственно, и «*пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*» (*ib.*). Следовательно, двигателем подобного рода пророческого служения должна быть именно любовь в христианском (новозаветном) ее понимании — любовь-ἀγάπη, любовь жертвенная, любовь крестная. В.Э. Вацуро полагает, что «*“Пророк” написан <...> о том, как <...> житель пустыни совершал свой мученический путь, завоевывая право нести людям волю Божества. Это стихи не о божественном, а человеческом*» [Вацуро, 1994, с. 16]. Действительно, Пророк избирается и призывается для служения людям и возвещения им воли Божества. Какой воли? «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет*» (Мк. 12:31), или в голгофской редакции: «*да любите друг друга, как Я возлюбил вас*» (Ин. 13:34). Пророчество в пушкинском тексте эквивалентно апостолу текстов Нового Завета, поскольку Пророку заслуженно «*дано знать тайны Царствия Небесного*» (Ин. 13:34), которые ему и предстоит возвещать, *обходя моря и земли* (кстати, и к этому пассажиру имеется прямая параллель: «*Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их*» (Пс. 18:5), обычно не упоминаемая комментаторами, хотя в ней сопряглись и все земли, и апостольские [*< гр. ἀποστέλλω — «посылаю», как посылаются и Пророк*] глаголы).

По справедливому замечанию С.В. Березкиной, в «Пророке» «*проблематично все, начиная с вопроса его соотносительности с ветхозаветными книгами*» [Березкина, 1999, с. 41]. Но очевидно, что истоки образности нельзя искать в одном лишь Ветхом Завете. Миссию Пророка также можно трактовать по-разному, будь то социально-политический, эстетико-гедонистический или же религиозно-философский пафос — «*ни один из этих вариантов не может быть принят в чистом виде*» [Старк, 1991, с. 59]. При этом непосредственно образ Пророка оказывается антиномичен. В какой-то степе-

ни это остается типичный ветхозаветный пророк-обличитель («*Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?*», Ис. 1:5), но с той же уверенностью можно видеть в нем и возвешение апостола любви (символ которого — *орел* — упоминается А.С. Пушкиным как одна из метаморфоз): «*Пламенем любви распали к Тебе сердца наша <...> да тою разжигаем сердца же и душою возлюбим сами себе и искренняго своего*» [Псалтирь следованная, 1993, ч. II, с. 551]. И эту антиномичность необходимо учитывать при комментировании как пушкинского текста в целом, так и порожденной им афористики.

Источники

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — Москва: [Художественная литература], 1955. — 663 с.
2. Библия. — Казань: Б.и., 1991. — 1371 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. — Москва: Б.и., 2001. — 1688 с.
4. Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методич. пособие. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. — 26 с.
5. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке: краткий словарь-справочник. — Санкт-Петербург: Москва: Академия, 2006. — 352 с.
6. Не мудрствуя лукаво. Крылатые слова и выражения / Сост. И.С. Пигулевская. — Москва: Центрполиграф, 2006. — 320 с.
7. Православная энциклопедия. — Т. XVI. — Москва: Православная энциклопедия, 2007. — С. 699–703.
8. Псалтирь следованная. Репринтное воспроизведение издания 1978 года. В 2-х ч. — Ч. I. — Москва: издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 468 с.
9. Псалтирь следованная. Репринтное воспроизведение издания 1978 года. В 2-х ч. — Ч. II. — Москва: издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 565 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. — Т. 3. — Кн. I. — М.: Воскресенье, 1995. — С. 30.
11. Русские крылатые выражения. — Харьков: Фолио, 2009. — 224 с.
12. Требник. — Санкт-Петербург: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1995. — 627 с.

13. *Фомина Н.Е.* Крылатые слова. — Харьков: Фолио, 2010. — 352 с.
14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — 3-е изд., стереотип. — Москва: Русский язык, 1999. Т. 2. А Панцирь — Яшур. — 560 с.
15. *Шулежкова С.Г.* «И жизнь, и слёзы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. — Москва: ФЛИНТА, 2011. — 848 с.
16. *Энциклопедический словарь* крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. — Москва: Локид-Пресс, 2005. — 880 с.

Литература

1. *Архангельский А.Н.* «Огонь бо есть...» // Новый мир. — 1994. — № 2. — С. 230–242.
2. *Березкина С.В.* Пророк Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. — 1999. — № 2. — С. 27–42.
3. *Вацуро В.Э.* «Пророк» // В.Э. Вацуро. Записки комментатора. — Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1994. — С. 7–17.
4. *Вересаев В.В.* В двух планах. — Москва: Издательское товарищество «Недра», 1929. — 206 с.
5. *Котельников В. А.* Язык Церкви и язык литературы // Русская литература. — 1995. — № 1. — С. 5–26.
6. *Ленин В.И.* Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд. — Т. 12. — Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1968. — С. 142–147.
7. *Мальчукова Т.Г.* Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции (к интерпретации стихотворений “Воспоминание” и “Пророк” в контексте христианской культуры) // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — Т. 5. — С. 151–177.
8. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права, 1844. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. — Т. I. — Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1955. — С. 219–368.
9. *Незеленов А.* Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799–1826). — Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1882. — С. 283–284.
10. *Непомнящий В.С.* Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. — Москва: Б.и., 2001. 400 с.
11. *Старк В.П.* Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. — Ленинград: Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР, 1991. — Т. 14. — С. 51–64.

12. Чижов А.Г. «Духовной жаждою томим...» // Наука и религия. — 1983. — № 2. — С. 54–55.

« AND WITH YOUR WORD IGNITE MEN'S HEARTS »: SEARCH OF BIBLICAL PARALLELS

© **Bolshakov Alexander Dmitriyevich (2019)**, orcid.org/0000-0001-9451-6830, *SPIN-code*: 6398-4572, PhD in Philological sciences, engineer laboratory assistant of department of Russian literature, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University (Nizhny Novgorod, Russia), barsikapfff-2@mail.ru

The author evolves an idea of Eucharistic interpretation of the Prophet by A.S. Pushkin. In the paper are adduced new biblical and hymnographical contexts, basing on which the author proposes a variant of interpretation of gnomic ending of the poem. Traditionally, the text of the verse is derived ecstatic visions of prophets Isaiah (Isaiah 6; 50,4–6) and Ezekiel (Ezekiel 1, 36,24–26), also single parallels is quoted from prophecies of Jeremiah (Jeremiah 1,9; 5,14) and Daniel (Daniel 10) etc. some researchers detect precedents in the Koran. Only in the late 20th century scientists and commentators noticed connection of Pushkin's work with texts of New Testament and Christian hymnography. Continuing interpretation by the New Testament, the author places high emphasis on textual *текстуальным* relations of the verse with Eucharistic hymnography. Attraction of series of new parallels permits not only to *позволяет* assert particular character of evolution of the Prophet, but also thoroughly comment on the most important metamorphosis – substitution of heart, which, in opinion of the researcher, serve as clue to comprehension of last phrase of the text.

Keywords: A.S. Pushkin, the Prophet, winged words, krylatology (the study of winged words) and aphoristic, the case text, the Bible and bibleisms, hermeneutic and exegetic.

Sources

1. *Ashukin N.S., Ashukina M.G. Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya.* – Moskva: [Hudozhestvennaya literatura], 1955. – 663 s.
2. *Bibliya.* – Kazan': B.i., 1991. – 1371 s.
3. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta na cerkovnoslavyanskom yazyke s parallelnymi mestami.* – Moskva: B.i., 2001. – 1688 s.
4. *Zaharova L.A., Shuvaeva A.V. Slovar' molodyozhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta): uchebno-metodich. posobie.* – Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – 26 s.

5. *Mokienko V.M.* Davajte govorit' pravil'no! Krylatye slova v sovremennom russkom yazyke: kratkij slovar'-spravochnik. – Sankt-Peterburg: Moskva: Akademiya, 2006. – 352 s.
6. *Ne mudrstvuya lukavo.* Krylatye slova i vyrazheniya / Sost. I.S. Pigulevskaya. – Moskva: Centrpoligraf, 2006. – 320 s.
7. *Pravoslavnaya ehnciklopediya.* – T. XVI. – Moskva: Pravoslavnaya ehnciklopediya, 2007. – S. 699–703.
8. *Psaltir' sledovannaya.* Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1978 goda. V 2-h ch. – CH. I. – Moskva: izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. – 468 s.
9. *Psaltir' sledovannaya.* Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1978 goda. V 2-h ch. – CH. II. – Moskva: izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. – 565 s.
10. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochinenij. V 17 t. – T. 3. – Kn. I. – M.: Voskresen'e, 1995. – S. 30.
11. *Russkie krylatye vyrazheniya.* – Har'kov: Folio, 2009. – 224 s.
12. *Trebnik.* – Sankt-Peterburg: Izdanie Svyato-Troice-Sergievoj Lavry, 1995. – 627 s.
13. *Fomina N.E.* Krylatye slova. – Har'kov: Folio, 2010. – 352 s.
14. *Chernyh P.Ya.* Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. – 3-e izd., stereotip. – Moskva: Russkij yazyk, 1999. T. 2. A Pancir' – YAshchur. – 560 s.
15. *Shulezhkova S.G.* «I zhizn', i slyozy, i lyubov'...» Proiskhozhdenie, znachenie, sud'ba 1500 krylatyh slov i vyrazhenij russkogo yazyka. – Moskva: FLINTA, 2011. – 848 s.
16. *Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij:* Bolee 4000 statej / Avt.-sost. V. Serov. – Moskva: Lokid-Press, 2005. – 880 s.

References

1. *Arxangel'skij A.N.* «Ogn' bo est'...» // *Novy'j mir.* – 1994. – № 2. – S. 230–242.
2. *Berezkina S.V.* Prorok Pushkina: sovremennyy'e problemy` izucheniya // *Russkaya literatura.* – 1999. – № 2. – S. 27–42.
3. *Vaczuro V.E.* «Prorok» // V.E'. Vaczuro. Zapiski kommentatora. – Sankt-Peterburg: Institut russkoj literatury` (Pushkinskij Dom) RAN, 1994. – S. 7–17.
4. *VeresaeV V.V.* V dvux planax. Moskva: Izdatel'skoe tovarishhestvo «Nedra», 1929. 206 s.
5. *Kotel'nikov V. A.* Yazy`k Cerkvi i yazy`k literatury` // *Russkaya literatura.* – 1995. – № 1. – S. 5–26.

6. *Lenin V.I.* Socializm i religiya // *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.*, 5 izd. – T. 12. – Moskva: Gos. izd-vo polit. lit., 1968. – S. 142–147.
7. *Mal'chukova T.G.* Lirika Pushkina 1820-x godov v otnoshenii k cerkovnoslavyanskoj tradicii (k interpretacii stixotvorenij “Vospominanie” i “Prorok” v kontekste xristianskoj kul'tury`) // *Problemy` istoricheskoy poe`тики*. – 1998. – T. 5. – S. 151–177.
8. *Marks K.* K kritike gezelevskoj filosofii prava, 1844. // *Marks K., E`ngel's F. Sochineniya*. Izd. 2. – T. I. – Moskva: Gos. izd-vo polit. lit., 1955. – S. 219–368.
9. *Nezelenov A.* Aleksandr Sergeevich Pushkin v ego poe`zii. Pervyj i vtoroj periody` zhizni i deyatel'nosti (1799–1826). Sankt-Peterburg: tip. A.S. Suvorina, 1882. – S. 283–284.
10. *Nepomnyashhij V.S.* Da vedayut potomki pravoslavny`x Pushkin. Rossiya. My`. – Moskva: B.i., 2001. 400 s.
11. *Stark V.P.* Pritcha o seyatele i tema poe`ta-proroka v lirike Pushkina // *Pushkin: Issledovaniya i materialy`*. – Leningrad: In-t rus. lit. (Pushkin. Dom) AN SSSR, 1991. – T. 14. – S. 51–64.
12. *Chizhov A.G.* «Duxovnoj zhazhdoyu tomim...» // *Nauka i religiya*. – 1983. – № 2. – S. 54–55.

Поступила в редакцию 12.01.2019